

РАЗМЫШЛЯЯ НАД НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОЕКТОМ

Из выступления на семинаре в ГУ — ВШЭ

Ярослав Кузьминов,
ректор
Государственного
университета —
Высшей школы
экономики, доктор
экономических наук

...Среди задач российского образования выделим первую и основную — обеспечить долгосрочную конкурентоспособность России. Образование — один из основных активов нашей страны наряду с природными ресурсами и одновременно — один из тревожащих пассивов нашей страны, потому что структура и состояние образования вызывают очень большую тревогу — относительно его способности воспроизводить себя. Вот эта цель — восстановить место образования в обеспечении конкурентоспособности страны — реализуется в нескольких направлениях.

Первое из них: создать эффективный человеческий капитал, воспитать кадры высокой квалификации, которые могут работать на современных предприятиях, владеют современными технологиями и способны быстро адаптироваться. Образование как механизм порождения инноваций в России практически заглохло. Надо сказать, что даже в свой лучший период российское университетское образование, советское университетское образование производило всё-таки меньше 15–20% инновационного продукта (в других странах университеты производят 40–50% инновационного продукта). Искусственное разъединение науки и образования — это самое плохое наследство, и необходимость соединить образование и науку в звене высшего образования становится, по моему мнению, императивом дальнейшего развития не только системы образования, но и страны в целом. Если мы этого не сделаем в ближайшие годы, мы придём к краху и системы науки, которая не сможет воспроизводиться, пополняться людьми, и системы образования, которая будет неконкурентоспособна на университетском уровне.

Эффективный человеческий капитал означает, что формируется совершенно новый тип работника-исполнителя, который приучен к дисциплине, уважает свой труд, нацелен на поиск наиболее эффективных форм работы, высоко социализирован — такого рода работник-исполнитель останется значимым фактором экономики даже в развитых странах ещё как минимум 25–30 лет, т.е. на период дееспособности той системы образования, которую мы сейчас формируем. Следовательно, эта задача стоит явно — воспитание квалифицированного исполнителя.

Такая же важная задача — воспитание творческого человека. Если в первом случае мы должны что-то создавать заново (у нас практически разрушена система начального и среднего профессионального образования), то систему формирования интеллигенции, людей творческого труда мы должны воссоздать, потому что в Советском Союзе она была одной из самых эффективных в мире.

В системе формирования человеческого капитала есть ещё один важный аспект: способность к коммуникации, к эффективному поиску информации. Это задача, скорее, общего образования. Что это такое? В первую очередь, это владение языком — родным языком, иностранным, по крайней мере английским, и владение языком информационных технологий — то, что технически совершенно необходимо для коммуникации, но пока очень слабо развито в системе общего образования.

Ещё одна задача нашего образования, которая тоже имеет выходящие за его рамки аспекты, — обеспечение равного старта для молодёжи. Нужно запустить механизм социального перемешивания: если страна хочет развиваться, она должна через систему образования постоянно перемешивать социальные слои, и тогда на поверхности окажутся наиболее талантливые представители независимо от их имущественного или территориального положения. Вот этот механизм подорвала драматическая экономическая

трансформация 1990-х годов: в России социальный имущественный разрыв достиг очень высоких значений — первый дециль к последнему примерно 1 к 15. И, что самое главное, не существует никаких эффективно работающих механизмов социального перемешивания в системе образования. Разрушена система бесплатных общежитий, только создаётся система национального экзамена, национальных предметных олимпиад, и на всех уровнях образования идёт быстрая социальная сегментация учебных заведений. Общество достаточно спокойно на это смотрит, в то время как в благополучных странах происходят взрывы, которые вполне могут через 5–6 лет произойти у нас.

И ещё важный аспект, о котором почему-то мало говорят применительно к системе образования. Это обеспечение единства нации: единства на уровне национального языка, национальных идентификаций, приоритетов. Сегодня мы оказались трагически беспомощными, потеряв коммунистическую псевдоидеологию. Мы не знаем, чем заполнить освободившееся идеологическое пространство, не нашли механизма национальной идентификации. Очевидно, что, игнорируя сферу образования, задачу единства страны обеспечить практически невозможно.

Мы назвали внешние по отношению к системе образования задачи. Теперь о внутренних задачах. Основная из них — сохранить культуру образовательного общества, образовательной деятельности. В результате 15-летнего недофинансирования система образования оказалась в очень тяжёлом положении с точки зрения кадров и точки зрения господствующей морали. Приведу только один пример: в прошлом году мы опрашивали преподавателей, задавая им вопрос: «Считаете ли вы приемлемым получать деньги от ваших учеников?» Ответы распределились так: считают приемлемым 15% преподавателей старше 60 лет, около 25% — старше 50 лет, около 45% старше 40 лет, а 65% преподавателей старше 30 лет считают это совершенно

приемлемым и обычным делом. Ясно, что стал опасно вырождаться базовый социальный контракт между обществом и преподавателями. Ведь есть некий аналог клятвы Гиппократы для образования: ты должен учить своего ученика (лечить больного) безотносительно к тому, сколько он тебе заплатит. Если ты учитель, это значит, что ты обязан вне зависимости от того, заплатят тебе или не заплатят, остаться и поработать с тем, кто не понял на уроке, дополнительно объяснить, дать особое задание тем, кто тему урока перерос, лидерам класса.

Преподаватель высшей школы — исследователь: он мыслит на уровне инноваций. Человек, преподающий в университете, обязан заниматься исследованиями, быть в курсе того, чем занимаются его коллеги — научные сотрудники, вовлекать своих студентов в освоение науки, а не пересказывать чужой учебник. Вот эта сторона морального кодекса преподавателей — и школьных, и вузовских — часть преподавательской культуры, к сожалению, тоже ушла из российского образования.

По нашим данным, только около 20% вузовских преподавателей занимаются научной работой, около 30% высших учебных заведений имеют преподавателей, которые основывают свою учебную деятельность на собственных разработках. Быстрый рост спроса на высшее образование в России — не какая-то наша уникальная особенность, а отражение всеобщей тенденции, которая есть во всех развитых странах мира. Этот рост дал странные результаты в условиях недофинансирования: мы как будто формально сохранили и умножили объёмы, масштабы вовлечения людей в образование, но, утратив культуру образовательной деятельности (она не фиксируется в отчётных цифрах, привычных для общества), потеряли смысл этой деятельности как таковой, и она в очень многих случаях просто не имеет содержания — деятельность сводится к чистой формальности: «Я хожу в школу, потому что так полагается»,

«Мой ребёнок пойдёт в университет, потому что сегодня без диплома никуда».

Нет уже образа университета как места, где интеллигентные люди учат друг друга, погружают тебя в другой мир, где есть другая жизнь по сравнению с жизнью чисто репродуктивной, обыденной, скучной. Университет для многих студентов и преподавателей — это просто место получения диплома. Идёт формализация образовательных обязательств как и со стороны учащихся, так со стороны преподавателей. И мне кажется, что это крайне опасная ситуация, которая никак не соответствует тому, что происходит в развитых странах, на которые мы можем ориентироваться.

И помимо крайне низкой оплаты преподавательской работы мы имеем ещё крайне низкую эффективность собственно образовательной деятельности — её формализацию (по сравнению с тем, что происходит в других странах). Это легко доказать. Задайте тот же вопрос, который мы задавали нашим преподавателям (о том, считают ли они возможным брать деньги с ученика) где-нибудь в Канаде, и вы рискуете получить не ответ, а по физиономии: даже представить нельзя, чтобы университетский преподаватель или школьный учитель давали частные уроки своим ученикам. Полагаю, что отношение наших педагогов к частным выплатам — это свидетельство вырождения образовательной деятельности. Я думаю, что население может не понимать тех или иных «учёных» слов, но вот эти проблемы люди прекрасно понимают. И это наиболее болезненные результаты перемен в России — ощущение того, что я не могу больше опираться на общество в трёх основах человеческого бытия: что меня будут лечить, если я заболею, что моих детей будут учить и что меня будут охранять на улице. Вот этот социальный контракт разорван.

Перейдём непосредственно к задачам национального проекта. Полагаю, что национальный проект в том виде, как он провозглашён сейчас, безусловно, имеет

позитивные составляющие: я согласен с тем, что надо давать гранты учителям, инновационным школам, что нужны национальные университеты, необходимо вводить современное бизнес-образование. Вопрос в том, что эти меры, сами по себе полезные, зафиксированы сейчас в такой размерности, когда они вряд ли дадут желаемый эффект. Мы оставляем преподавателя на уровне очень низкой базовой зарплаты, примерно 60% от средней по стране и примерно 40% от средней зарплаты людей с высшим образованием. При этом мы одному учителю на три школы даём грант на 100 тысяч рублей в год. Можем мы выделить одного учителя на три школы, на какой основе будем их сравнивать? И главное здесь даже не то, как это реально будет: гораздо важнее, как об этом подумают учителя. Если бы в одной школе надо было выделить одного-двух учителей, была бы база для сравнения. А вот почему грант получает учительница из школы № 5, а не из школы № 2 или № 3 — это не известно никому...

Поддержка инновационности школ и вообще инновационной составляющей в нашем образовании — вопрос, замысел которого заслуживает самого серьёзного отношения. Однако нужно откорректировать его исполнение. Применительно к нашим задачам: в какой мере мы должны сегодня ориентироваться на поддержку инновационной части образования? Полезно создавать механизмы поощрения лучших, выделить тех, кто инициативен, предоставлять ресурсы тем, кто добивается хороших результатов. Но нельзя забывать, что учитель получает 5 тысяч рублей в месяц (в Москве несколько больше) и потому всё равно должен зарабатывать ещё где-то.

Базовый контракт педагога и государства должен восстановить уровень преподавательской культуры педагога. Это означает, что должен быть восстановлен эффективный контракт преподавателя и общества, преподавателя и учебного заведения. Что в этот

эффективный контракт должно включаться? В первую очередь, базовая зарплата. По тому, что уже было опубликовано (впервые с этим выступила Высшая школа экономики), примерные параметры таковы: учитель должен получать примерно 15 тысяч рублей в месяц, в крупных городах — больше. Доцент университета должен получать около 30 тысяч, в Москве в полтора-два раза больше. Тогда педагог сможет сосредоточиться на преподавании, отдавать свои силы и знания основной работе. Если этого не сделать, ни инновационные проекты, ни вообще реформирование образования у нас не дадут того результата, на который мы рассчитываем.

По оценкам Высшей школы экономики нам нужно около 12–13 млрд долларов дополнительно в год для того, чтобы выйти на базовый контракт преподавателя по всей системе образования. Большие это деньги или малые? Валовой внутренний продукт к 2010 году будет порядка триллиона (сейчас около 600 млрд долларов). Мы сейчас имеем достаточно средств, перераспределяемых через государственный бюджет, чтобы говорить, что ассигновать 12 млрд долларов в год на восстановление нормальной функции образования в обществе — это задача, обществу посильная. Это деньги, которые, имея политическую волю, можно через бюджет перераспределить.

Но не все, а только основная часть денег при этом должна идти из бюджета. Почему так? В России структура денежных потоков в экономике складывается из государственных доходов — из платежей за естественные ресурсы, а не налогов физических лиц. Кроме того, у нас очень сильная социальная дифференциация: мы можем говорить о том, что сегодня около 40% (5 лет назад было 30%) населения может платить за образование.

Имеет смысл привлекать частные деньги на любом уровне образования: детский сад, школа, институт — потому, что эти деньги становятся очень важным ин-

дикатором того, что нужно обществу, что востребовано обществом. И в этом отношении свою сигнальную роль частные средства, средства семей обязательно должны выполнять на каждом уровне образования. Понятно, что в школе доля этих частных средств должна быть очень незначительной. Для восстановления эффективного контракта между педагогом и обществом средства должны идти из бюджета. Для других составляющих национального проекта необходимы и средства из бюджета, и средства семей, и средства предприятий.

Следующий параметр внутренних целей, о которых нужно сказать, — международная конкурентоспособность нашего образования. Сегодня мы можем смело говорить о том, что рынок труда как национальное, замкнутое границами одной страны явление, умер. У нас до 60% рынка малоквалифицированного труда занято не гражданами России; а доля не российских граждан в нашей экономике составляет 12–15% по всем секторам. Соответственно и рынок труда интернационализируется: через 5–10–15 лет у нас не будет национального рынка высшего образования, потому что страны Европы, США, в перспективе — Япония предоставляют на порядок более высокие зарплаты для выпускников наших вузов, даже наших техникумов, и их будут приглашать, потому что у этих стран есть демографические проблемы. При такой разнице в зарплате практически невозможно удержать здесь наших молодых специалистов, а это значит, что следующее поколение будет ориентироваться на то, чтобы пойти не в национальный вуз, а в филиал какого-нибудь европейского или американского вуза. Российская система образования будет в своих секторах, ориентированных на рынок труда, т.е. во всём профессиональном образовании, просто вытеснена. И это реальность самого ближайшего будущего.

Поэтому восстановление конкурентоспособности системы образования как центральная задача тоже имеет несколько важных параметров.

Первое — это сохранение ядра университетов; второе — начальное профессиональное образование; третье — в России около 50 университетов имеют сейчас достаточно крупные инновационные заделы, около 25 университетов могут считаться исследовательскими: у них достаточно большие научные заказы, они сохранили инновационный комплекс и в этот инновационный комплекс они включают своих студентов. Однако устойчивого механизма привлечения к научной, исследовательской работе у нас нет.

Мы располагаем системой Российской академии наук, которая в советское время представляла собой мегадокторский университет, и это была одна из её важных социальных ролей. Огромная аспирантура, система стажёров-исследователей пропускала через этот престижный мегауниверситет приблизительно 25–50 тысяч человек в год. Академия наук, кроме того, имеет около 300–400 научных школ, признанных в мире. Это та часть нашего инновационного наследия, которая должна быть спасена, и она должна быть спасена вместе с системой образования.

Масштабы проекта сохранения инновационного ядра достаточно скромны по отношению к массе образования в целом: если сейчас учатся около 6 млн студентов и около 2 млн студентов техникумов, то студенты-магистры, аспиранты, которые вовлечены в исследовательскую работу университетов, составляют около 200–250 тысяч человек, т.е. всего 3–4% от национальной университетской системы.

Из этого есть два вывода. Первое: мы можем набрать ресурсы и сохранить эту малую часть, обеспечив, по крайней мере, её воспроизводство. На серьёзное исследование в естественных науках требуется минимум около 300–400 тысяч долларов. Если мы посчитаем ресурсы, которые нам необходимы, то увидим, что для сохранения университетского ядра нам нужно, в дополнение к базовому контракту с преподавателем, примерно 5 миллиардов долларов в год. Это вполне

достижимо, если реализовать национальный проект образования, но этого недостаточно для того, чтобы иметь эффективную национальную систему инноваций, потому что мало только сохранить, поддерживать эти полупогасшие огоньки инноваций, нужно обеспечить их распространение, по крайней мере, на треть системы образования, т.е. в эту систему должно быть вовлечено не менее полутора миллионов студентов. Как это сделать? Это отдельная задача, и она может и должна решаться на протяжении, очевидно, 2008–2012 годов. Но если мы её не решим, мы не станем страной, которая может рассматриваться как сколько-нибудь развитая. Ведь приходится признать: нынешняя система высшего образования в России — это система большого техникума, где преподаватели ведут занятия по чужим учебникам и до трети студентов заинтересованы только в получении дипломов. Эти ребята не имеют никакого отношения к реальному университетскому образованию, они просто себя обманывают.

Соответственно я бы разбил национальный проект на две стадии, два элемента: восстановление базового контракта педагогов с государством и сохранение ядра университетов. Кроме того, необходимы средства на реструктуризацию начального профессионального образования: в основном это связано с тем, что мы вводим туда новые технологии и организуем более эффективное обучение на старых площадках. Это ещё около 1,5 миллиарда долларов в год. В совокупности на реализацию национального проекта требуется около 20 млрд долларов — дополнительно к тому, что сейчас образование получает. Фактически это почти удвоение бюджета образования. И эти деньги, если мы хотим достичь позитивных результатов, система образования должна получить через федеральный бюджет, потому что состояние региональных бюджетов, к сожалению, не таково после бюджетной реформы, чтобы через них провести какие бы то ни было масштабные, весомые для страны изменения. **НО**